

Сам себе надгробие, или Конченные люди

Сцена первая

*В просторной комнате деревенского дома за столом сидит **Степан Крук** — мужчина лет шестидесяти пяти, в клетчатой фланелевой рубашке, поверх которой надет ватный жилет, в стёганных штанах, в обрезанных валенках. **Степан** читает — поместив книгу под старенькую настольную лампу, а на нос водрузив гигантские очки в толстой оправе — очки на шнурке, шнурок накинута на шею. В комнате пусто и чисто, на стене над столом висят жёлтое круглое радио, справа от него — портрет женщины средних лет, слева — икона, на которой мать держит на коленях младенца. Младенец двумя пальцами правой руки — указательным и средним — указывает в верхний левый угол иконы.*

В сенях, за дверью, ведущую в комнату, кто-то долго гремит задвижкой, хлопает себя по одежде, топает ногами. После затихает и, затаившись на секунд десять, стучит в дверь тремя слабыми стуками.

Степан. Ну.

Голос. Степан, ты дома?

Степан. Нет, за дровами пошёл.

*Короткая пауза. **Степан** переворачивает страницу.*

Голос. А с кем говорю? Приехал кто?

Степан. Давно все уехали. Нет никого.

Голос. Степан, ты?

Степан. Ну.

Голос. А говоришь, за дровами пошёл.

Степан (со вздохом закрывая и откладывая в сторону книгу). Скоро пойду.

Очень короткая пауза.

Голос. Я войду?

Степан. Войди уже. Хотя, может, тебе больше нравится через дверь разговаривать.

Голос. Не. Не удобно.

Степан. Так заходи уже!

Голос. Тут срочное дело.

***Степан** выключает настольную лампу, с трудом встаёт и, держась левой рукой за поясницу, идёт к двери. Открывает. За дверью — **Славик Тихоновец**, мужичок сорока с небольшим лет, редкие волосы кое-как приклеены к черепу, под носом — жёлтые от курева усы, в руках мнёт шапку. Одет в кожаных размера на три больше.*

Степан. Славик.

Славик. Ну.

Степан. На флянец не дам.

Славик (*машет рукой, будто бы отгоняя невидимую муху*). Да какой флянец, Степан! Я ж не пью уже ж. Почти три недели.

Степан. Достижение.

Славик. Срочное дело у меня. Хотя, конечно, с какой стороны посмотреть.

Степан. Зайди уже, дай дверь закрыть.

Славик, появившись на входе, заходит, мелко кланяясь и отирая рукавом лицо и лоб. Степан закрывает дверь.

Степан. Ну. Вещай.

Славик. А?

Степан. Говори давай уже!

Славик. А. Ну так, короче. Кажись, Татарин Новика убил.

Короткая пауза. Степан идёт к стулу, садится на него вполоборота к Славiku. Смотрит на Славика. Славик мнёт шапку.

Степан. «Кажись» — или «убил»?

Славик. Кажись, убил.

Степан. Ты не видел, значит.

Славик. Не. Я не видел.

Степан. Тогда откуда такая информация, что убил?

Славик. Так это я, короче, к Новiku как раз шёл. У меня же телевизор сломался. Я думал, он посмотрит. К дому подхожу его, а там, вижу, окно битое — и Татарин кричит, уйди, мол, я Новика уделал и тебя уделаю.

Степан. Так.

Славик. Я говорю, как, мол, уделал, а он кричит, что из ружья и что сейчас мне в пузо целит. Ну я и упал в снег.

Степан. А ты выстрел слышал?

Славик. Не. Не слышал. Да там МАЗы со щебнем как раз ехали — штук пять, громко так. Я, может, и не понял, что стреляли.

Степан. Значит, точно ты не знаешь.

Славик. Точно не знаю. Я оттуда уполз и сразу к тебе.

Степан. А в милицию не звонил ещё?

Славик. А с откуда я позвоню? У меня телефона нет. А к бабке Надьке далеко.

Степан. А мобильный?

Славик. А зачем он мне? Кому мне звонить?

Степан. Резонно.

Славик. Вот и я говорю — резонно.

Короткая пауза. Степан внимательно смотрит Славiku в лицо. Тот опасливо улыбается.

Степан (*поднимаясь со стула*). Так, ты давай посиди, а я оденусь пока. Сейчас вместе к Новiku пойдём.

Славик. Ага. А если он стрелит?

Степан. Мы так станем, что не стрелит.

Славик (*сидясь на стул*). Жить пока хочется.

Степан (*уходя в другую комнату*). Мне тоже.

Славик берёт со стола книгу, открывает её на любом месте, читает, шевеля губами.

Затемнение.

Сцена вторая

Степан и Славик стоят у забора возле дома Новика, Славик прячется за спиной Степана. У Степана на плече — охотничье ружьё с двумя стволами, один над другим. Одно из двух окон на фасаде дома Новика, дальше от Степана и Славика, лишено стёкол, но деревянная крестовина цела. Наружу просочилась зелёная штора и вяло болтается, реагируя на промозглый ветерок.

Степан. Башкеев, ты, что ли?

Некоторое время окно не подаёт никаких признаков внутренней жизни, но потом раздаётся голос Татарина — Башкеева.

Татарин. Ну.

Степан. Ты Новика убил?

Татарин. Кажись, убил.

Степан. «Кажись» — или «убил»?

Татарин. Ну, лежит мёртвый. Но вдруг живой.

Степан. Ты проверял? Может, дышит. Проверь.

Некоторое время тихо.

Татарин. Да не, не дышит. У него половины головы нет. Носа тоже. Так что не дышит — не удобно.

Степан. Значит, убил.

Татарин. Ну, значит, да.

Степан. А чем убивал?

Татарин. Ружьём. Или я, по-твоему, полголовы ему ножом стесал?

Степан. Ну, может, топор у тебя.

Татарин. Топор есть, но ружьём удобнее. Два ствола дробей в него всадил. Хотел в грудь, а вышло в голову.

Короткая пауза.

Степан. Ружьё твоё?

Славик (*шёпотом*). Не его!..

Татарин. Не, это Новика ружьё. Я своё... потерял.

Славик (*снова шёпотом*). Пропил он!..

Степан. У кого потерял-то?

Татарин. Где потерял, там уже нет его.

Степан. Ясно. А Славика зачем стрелить хотел?

Славик. Уделаю, говорит. Всех уделаю.

Татарин. Так а чего он прёт. Я любого, кто сюда прёт, надвое развалю.

Славик (*Степану*). Во, видишь?

Степан. Да уж да.

Короткая пауза.

Степан. Башкеев!

Татарин. Ну.

Степан. Я же в милицию сейчас буду звонить.

Татарин. Ну и?

Степан. Закроют тебя. Чего не бежишь-то?

Короткая пауза.

Татарин. Куда я побегу с такой ногой?

Степан. Это с какой?

Татарин. С поломанной.

Степан. Сам сломал?

Татарин. Нет, тебя попросил. Конечно, сам!

Степан. Я думал — Новик.

Татарин. Он же дохлый.

Степан. Ну, может, сначала он тебе ногу сломал, а ты ему за это...

Татарин. Не. Сам. Зацепился за него, упал — и сломал.

Славик (*кричит так, что Степан морщится*). А за что ты Новика стрелил?!

Татарин. Это ты, Славик?

Славик. Ну.

Татарин. Ты думаешь, я помню? Пьяный был. И Новик пьяный был. Про что-то поругались... наверное.

Короткая пауза.

Степан. Так, может, это... Башкеев!.. Может, скорую?

Татарин. Зачем? Я же их уделаю.

Степан. А нога как же?

Татарин. Заживёт нога. Я к ней стул привязал, чтобы ровная была. Срастётся.

Степан. Долго срастаться будет, Башкеев.

Татарин. А я не спешу.

Степан. Ты тут собрался всю зиму сидеть?

Татарин. Да хоть всё время вообще.

Степан. Милиция приедет — быстро выкурит.

Славик (*кричит*). Убьют тебя, Башкеев! Как ты Новика убил, только хуже!

Степан (*морщится*). Куда уж хуже...

Татарин молчит. Степан поворачивается к Славику, наклоняется к нему.

Степан (*тихо*). Бежи сейчас к бабке Надьке, звони Петровичу, пусть берёт табельное и дует сюда. И скажи, чтобы ещё кого с собой взял.

Славик (*тоже тихо*). Ага. Понял.

Степан. Сильно не рассказывай, время не трать. Скажи, что серьёзно всё. Что Степан так сказал. А я тут этого подержу, чтоб не сбёг.

Славик. Понял. Понял.

Степан. Дуй.

Славик падает на снег и ползёт вдоль забора в сторону битого окна.

Степан (*шипит*). Куда ты, малоумный!.. Огородами дуй!.. Вокруг!

Славик (*разворачивается и ползёт в обратную сторону*). Ага. Понял.

Татарин (*кричит*). Славик! Сейчас жопу отстрелю, дурак!

Славик подскакивает и несётся мимо Степана прочь. Из битого окна бабахает выстрел. От забора отлетает кусок. Степан падает в снег.

Татарин. Ты, старый, думаешь, я тебя не достану?

Степан. Не. Не достанешь.

Татарин. Это я пока из уважения к тебе не стрелял. А сейчас начну. К другому окну перепол... перейду! — и сразу в тебя стрелять буду, пока патроны не кончатся.

Степан. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. А ты не шибко умный, да?

Татарин. Чего это?

Степан. Состреляешь патроны — потом нечем будет от милиции отбиваться.

Короткая пауза.

Степан. Ходить ты не можешь, заложника не взял. Тебя из калашей нарубят просто на котлеты, как свинью, — пукнуть не успеешь.

Татарин. Сам ты свинья!

Из битого окна бабахает ещё один выстрел. От забора отлетает доска. Степан втягивает голову в плечу и накрывает её ладонями. Лежит так некоторое время, после приподнимает голову.

Степан. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. Давай ты ружьё в окно кинешь, а когда милиция приедет, сам сдашься и живой поедешь в больницу — ногу лечить. Ходить зато потом будешь.

Татарин. Ага. Гулять по кругу.

Степан. Всё ж лучше, чем с дырками в морге лежать.

Татарин. Ты не пробовал и не знаешь, что лучше.

Короткая пауза.

Степан. Всякое бывало.

Затемнение.

Сцена третья.

Степан лежит там же, где и лежал, только уже не прикрывает голову. Ружьё он тихонько положил рядом со своей правой рукой. Медленно-медленно Степан переворачивается на спину, расстёгивает пальто, вынимает из внутреннего кармана футляр, из которого, в свою очередь, вынимает очки и бархатную тряпочку. Кладёт открытый футляр себе на грудь. Тщательно протирает очки тряпочкой. Водружает их на нос. Кладёт тряпочку в футляр, закрывает его, прячет в карман. Переворачивается на живот.

Степан. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. Чего притих?

Татарин. Устал.

Степан. Отдыхаешь?

Татарин. Ага.

Короткая пауза. Степан подвигает ружьё поближе к себе.

Степан. Тяжко?

Татарин. Нога болит.

Степан. А голова?

Татарин. И голова.

Степан. А, например, сердце?

Татарин. Не. Не болит. Сердце у меня крепкое.

Степан. И что, даже душа не болит?

Короткая пауза.

Татарин. Слушай, старый. Что ты пристал, а? Голова, сердце, душа. Нет у меня души, слышишь? Нет.

Степан. А куда ж подевалась?

Татарин. Кончилась. Знаешь, как говорят — «конченный человек»?

Степан. Знаю.

Татарин. Так это про меня. Душа кончилась — и теперь я тоже конченный.

Степан. Ну вот, хорошо, что раскаиваешься.

Татарин. Почему раскаиваюсь? Я ничего не раскаиваюсь! И ни о чём не жалею. Что сделано, то сделано. Всё равно перед богом отвечать некому будет. Тело в любом случае рано или поздно сгниёт. Завтра — или через сорок лет. Никто не знает.

Степан. Я думаю, ты ошибаешься. Про душу-то. Если такие слова говоришь, то, значит...

Татарин (*перебивает*). Может, ты сегодня умрёшь.

Степан. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. Тебя как зовут-то?

Татарин. Тимур.

Степан. Тимур. А меня — Степан Станиславович.

Татарин. Да знаю я, кто ты.

Сзади к Степану ползёт на животе Славик, оглушительно хрустя снегом. Степан оборачивается.

Татарин. Славик!

Славик (*остановившись*). Ну.

Из битого окна бабахает очередной выстрел. От забора отлетает верхняя половина доски. Славик зарывается лицом в снег. Степан вжимает голову в плечи и накрывает её руками.

Длинная пауза. Степан и Славик лежат, не двигаясь. Татарин молчит.

Степан (*поднимая голову*). Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Сколько у тебя ещё патронов?

Татарин. Много, старый, много! Не переживай. И на тебя хватит, и на Славика. И на ментов, которых Славик вызвал. На всех.

Степан (*Славику, чуть обернувшись*). Ты чего припёрся?

Славик (*вынимая голову из снега, шёпотом*). Так это... Сказать. Что дозвонился.

Степан. Да не надо было!

Славик. Так что, назад ползти?

Из битого окна бабахает очередной выстрел. От забора отлетает другая верхняя половина доски. Славик снова падает лицом в снег. Степан, не вжимая голову в плечи, берёт ружьё. Целится в образовавшийся просвет. Кладёт ружьё рядом с собой.

Степан. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Тебе не тяжёло стоять хоть?

Татарин. Так я и не стою. Я сижу.

Степан. На том самом стуле, что к ноге привязал?

Татарин. Именно. Хорошо сижу, удобно.

Короткая пауза. Степан протирает лицо и щёки снегом. Славик пытается задом отползнуть назад, но получается плохо.

Степан. Тимур. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. Отпусти Славика.

Татарин. Не.

Степан. Отпусти. А меня в заложники бери, если хочешь.

Короткая пауза.

Татарин. Не.

Степан. Заморозишь человека.

Татарин. Ну и пусть.

Степан. Отпусти. А я к тебе сейчас в дом зайду, будем вместе сидеть. Ружьё на меня наставишь. Я с пустыми руками буду. Давай, а?

Слева к дому идёт старая женщина. Битое окно к ней ближе. Степан машет ей, уходи, мол, но та не замечает. Женщину видит Славик.

Славик (*кричит*). Баб Лида, ложись!

Степан (*шипит, обернувшись к Славику*). Чего орёшь, она ж глухая!..

Баба Лида идёт как и шла. Из битого окна бабахает очередной выстрел, потом второй. Доски забора разлетаются в щепки. Баба Лида, не замечая, проходит мимо лежащих Степана и Славика, вдавивших лица в снег и накрывших головы руками. Так они лежат с минуту, после Степан убирает руки и приподнимает голову. На стёклах его очков — налипший снег.

Татарин. Не попал.

Степан. Конечно, не попал. По забору палишь. Забор-то тебе что сделал?

Татарин. Заколебал он меня, вот что! Не вижу ничего, в тебя попасть не могу — вот что он мне сделал!

Славик (*поднимая голову, кричит*). Баб Лиду зачем стрелял, а?!

Татарин. В кого-то надо же стрелять.

Татарин смеётся.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Позади Степана и Славика шумит приближающийся автомобиль. Славик оборачивается и смотрит, Степан по-прежнему смотрит в сторону битого окна. Автомобиль останавливается. Некоторое время тарахтит на холостом ходу двигатель, после затихает. Хлопает дверь. Справа появляется Петрович — участковый в зимнем варианте формы служителя закона. Петровичу за пятьдесят, он высокий, но рыхлый. В руках у него табельный пистолет. Петрович идёт, не пригибаясь, словно не видит раскуроченный забор.

Степан (оборачивается). Петрович.

Петрович. Ну.

Степан. Где бронезилет твой?

Петрович. Ты телевизора пересмотрел, что ли, Стёп? Какой бронезилет? У нас их никогда не было.

Степан. А чего ты один? (Славику) Я ж тебя просил сказать, чтобы брал кого ещё!

Славик. Так а я сказал!

Петрович. Да я сам разберусь, что вы начинаете!

Из битого окна стреляют один раз, потом, почти сразу же, второй. От забора отлетают доски. Петрович быстрым шагом идёт к просвету в заборе, становится напротив окна и высаживает всю обойму в его сторону. Где-то в доме вскрикивает Татарин.

Петрович. Ну вот и всё. А вы тут устроили, понимаешь...

Из окна бабахает очередной выстрел. Петрович кулём падает в снег. Степан и Славик лежат, не двигаясь. На некоторое время повисает тишина.

Степан. Башкеев.

Татарин. Ну.

Степан. Тебя убило?

Татарин. Не. Шею расцарапал только.

Славик (кричит). Ты в курсе, что ты мента убил?! Тебе теперь всё!

Степан (морщась). Да не визжи ты, Славик!..

Петрович, кряхтя, садится в снег. Поднимает валяющийся рядом табельный пистолет и кладёт в карман.

Петрович. Плечо задел.

Степан. Надо в скорую звонить.

Петрович. Никуда не надо звонить. Сейчас разберёмся.

Степан. Славик, бежи снова к бабке Надьке, звони в скорую.

Славик. Ага.

Петрович. Никуда не бежи, Славик.

Славик. Ладно.

Петрович. Стёп, дай ружьё.

Степан. Зачем тебе, Петрович?

Петрович. У меня стрелять нечем.

Степан. А запасной обоймы нет, что ли?

Петрович. Какая запасная обойма, ты что? Кто мне даст вторую.

Степан. А какого же пса ты сразу всю в окно всадил?

Петрович. Внезапность — наше основное оружие.

Степан. Его ж даже не видно — есть он там или на полу уже. А ты садишь.

Татарин. Не. Я тут. На стуле сижу.

Короткая пауза.

Петрович. Дай ружьё, Стёпа.

Степан. Зачем? Я ж смотрел — не видно ничего. Не понять вообще, куда стрелять.

Петрович. Дай ружьё. Я тебе как представитель закона сейчас приказываю, а не как друг.

Степан передаёт ружьё Петровичу. Тот встаёт, тяжело дыша, опираясь на ружьё, подходит к просвету в заборе, кладёт ружьё на поперечную перекладину забора.

Петрович. Башкеев.

Татарин. Ну.

Петрович. Сдавайся по-хорошему.

Татарин. А то что?

Петрович. А то буду стрелять на поражение.

Татарин. Ты стрелял уже на поражение. Что — попал?

Петрович. Попал.

Татарин. Плохо попал.

Степан привстает в снегу, поворачивается к Славик.

Степан. Славик, дуй к Жуковцу.

Славик. Ага.

Степан. Скажи, пусть браконьерку свою возьмёт.

Славик. Понял.

Степан. Только ничего не рассказывай особо.

Славик. Ага. Понял.

Славик разворачивается и уползает направо. Степан садится в снегу, отряхивается.

Петрович. Тебе же конец, Башкеев.

Татарин. Ну и?

Петрович. Человека убил. Представителя закона ранил. По людям палил. Сядешь крепко.

Татарин. Зачем сяду? Не сяду. Мне конец уже был, мент.

Петрович. Ну, значит, конченный ты человек, Башкеев.

Татарин. А то я не знаю.

Петрович целится куда-то в битое окно. Из окна на секунду показывается ствол. Два выстрела — из окна и со стороны Петровича — бабахают почти синхронно. Татарин

кричит, в доме что-то сильно грохочет. **Петрович** кулём падает в снег, роняя ружьё по ту сторону забора.

Степан. Ну ёпт!..

Короткая пауза.

Степан. Башкеев. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Убило?

Татарин. Не. Кусок скальпа сняло, а так живой.

Степан. А падал чего?

Татарин. У стула ножка подломилась. Я с ним и рухнул.

Степан. Встал уже?

Татарин. Не. Полежу пока. Нога болит.

Степан. Живучий ты. Вроде и конченный, а никак не кончишься.

Татарин. Ну так телу-то не хочется заканчиваться.

Петрович, крича и тяжело дыша, садится в снегу.

Степан. Ну, что, Петрович? Протерял ружьё?

Петрович. Не ссы, заберём потом.

Степан. Когда — потом?

Петрович. Сейчас этого террориста недоделанного прихлопнем — и заберём.

Степан. Чем хлопать-то будешь?

Петрович. Руками, чем же ещё.

Петрович встает в полный рост, поворачивается к Степану. У Петровича нет левого уха, вместо уха — красное месиво.

Петрович. Пойду. Возьму у него анализы.

Петрович идёт к калитке, которая справа — за Степаном. Степан пытается просунуть руку меж досок забора и достать ружьё.

Петрович. Достали, слушай. Летом — Карпович, сейчас — этот полудурок. Чуть что обидел их кто, так они сразу смертниками заделываются. Заложников понаберут, прохожих понастреляют. Что за люди...

Петрович открывает калитку и идёт к дому. Входная дверь справа в стене, перпендикулярной фасаду. Петрович дёргает дверь, пытаясь открыть. Та не поддаётся.

Степан всё ещё пытается достать ружьё.

Татарин. Что за Карпович?

Степан. А такой же, как и ты, — конченный.

Петрович дёргает дверь.

Степан. С женой поругался, прострелил ей колено. Потом решил её зачем-то в заложники взять — о чём на всю улицу орал из окна — и по людям палить. Трёх ранил.

Татарин. Никого не убил?

Степан. В итоге — жену, а потом и себя.

Татарин. Не. Я себя не буду.

Петрович пытается вышибить дверь плечом.

Татарин. Что этот контуженный там делает?

Степан. Дверь ломает.

Петрович. Дверь ломаю! Чтобы тебя, собаку, на поводок взять. И на живодёрню сдать.

Татарин. Сам ты собака!

Петрович бьётся плечом в дверь, но та не поддаётся.

Степан. Ты у нас человек новый. Думал, наверное, что оригинально себя повёл.

Татарин. Да ничего я не думал! Если по пьянке человека убил, так что теперь — сразу сдаваться идти?

Петрович. Конечно. Пришёл бы с повинной — может, и вообще простили бы.

Татарин. Ну да, прямо! Разбежались меня прощать. Тут людей за слова садят лет на двадцать. А меня за убийство — и простили бы.

Степан. Так то слова.

Петрович продолжает биться плечом в дверь.

Степан. Петрович.

Петрович. Ну.

Степан. Дверь наружу открывается.

Короткая пауза. Петрович отходит от двери, садится на крыльцо.

Петрович (пожимая плечами). А.

Затемнение.

Сцена пятая

Комната в доме Новика, та самая, окно в которой разбито. Татарин сидит на полу, прислонившись к стене, к ноге его тряпкой привязана ножка стула, сам стул — в осколочном состоянии — разбросан вокруг. На коленях **Татарин** держит ружьё, большая коробка с патронами стоит между колен.

В комнате дикий разгром, валяются пустые бутылки, многие из них — битые, опрокинуты кровать, стол, шкаф раскрыт и выпотрошен. У двери в комнату лежит **Новик**, отсутствующая голова его накрыта одеялом на вате. **Новик** неподвижен, в правой руке его зажат нож.

Татарин (**Новику**). Ну что, Сань. Что-то как-то жопа, да? Ты не находишь?

Новик лежит, не двигаясь, как и лежал до.

Татарин (в окно). Слушай, старый.

Степан. Ну.

Татарин. Я вот одного не пойму.

Степан. И чего же?

Татарин. Тебе-то что за дело? Сидел бы себе дома, дрочил бы тихонько. Но ты — нет, ты припёрся — и давай меня жизни учить. Тебе больше всех надо, что ли?

Короткая пауза.

Степан. Скучно, на самом деле, дома сидеть и дрочить. Да и возраст не тот.

Татарин. Возраст как раз тот, чтобы в чужие дела влезать. Я правильно понимаю, да?

Степан. Правильно, правильно. Поликлиника — в городе, транспорт общественный у нас не ходит. Что ещё остаётся делать? Не пропускать же интересное.

Татарин. Ну, а в церковь?

Степан. Да не. Это не по мне. Жена вот любила, а я нет.

Татарин. Сидел бы сейчас дома, в тепле, смотрел бы канал «СПАС».

Степан. У меня нет телевизора.

Короткая пауза.

Татарин. Несвоевременный ты какой-то.

Степан. Ты хотел сказать — несовременный.

Татарин. Нет. Я сказал как раз то, что и хотел — несвоевременный.

Короткая пауза.

Степан. Может, и твоя правда.

Татарин. Сейчас как-то все повадились свечки ставить и сушёную человечину целовать.

Степан. Я не по этой части.

Короткая пауза.

Татарин. А что ты мне тогда про душу задвигал?

Степан. Ну... думал, может, ты в душу веришь — в свою, в мусульманскую.

Татарин. Я не мусульманин.

Степан. А. Ну тогда ладно. А то я хотел на совесть нажать. На страх. Думал, вдруг убоишься. Своего...

Татарин (*перебивает*). Нечего бояться, когда всё просрал.

Короткая пауза. Татарин берёт ружьё, направляет его на Новика. Нажимает на курок. Новик от выстрела дёргается, нож из его руки выпадает.

По комнате плавает синий дым.

Затемнение.

Сцена шестая

Позади Степана появляются Жуковец с ружьём на плече и Славик — идут чуть пригнувшись. Жуковец — маленький мужчина с рыжей бородой, без шапки, с папиросой в углу рта.

Петрович тяжело поднимается с крыльца и идёт к калитке.

Жуковец. Петрович.

Петрович. Ну.
Жуковец. Где ухо?

Петрович поднимает руку и щупает целое ухо.

Петрович. В наличии.
Жуковец. А второе?

Петрович перемещает руку туда, где должно быть второе ухо, но второго уха нет — и рука промахивается.

Петрович. Не знаю. Потерял.

Жуковец. Эх ты, Петрович. Скорую вызывай себе.

Петрович (*морщится и отмахивается*). Успеется. До свадьбы заживёт.

Степан (*наконец уцепившись за ружьё и вытянув его из-за забора*). Кто ж за тебя пойдёт за такого.

Петрович. Кому надо, тот и пойдёт.

Татарин. Э! Вы чего там устроили? Стоят, понимаешь, общаются. А я?

Жуковец. А тебя мы через пару минут убьём, погодь.

Короткая пауза. Жуковец снимает с плеча ружьё, напевая: «А пуля знает точно, кого она не любит, кого она не любит — в земле сырой лежит...».

Татарин. Обосрётесь вы меня убивать.

Пауза. Степан встаёт, опираясь на ружьё. Подходит к Жуковцу, жмёт ему руку. Петрович выходит из-за калитки, подходит к Жуковцу, жмёт ему руку.

Жуковец (*Татарину*). Убьём, не ссы.

Славик (*Жуковцу*). Жуковец.

Жуковец. Ну.

Славик. Дай папиросу.

Жуковец даёт Славiku папиросу. Славик закуривает, долго чиркая спичками. Жуковец даёт папиросу Петровичу. Петрович закуривает, чиркая зажигалкой. Жуковец даёт папиросу Степану. Степан отказывается, отрицательно мотая головой. Жуковец прячет папиросу.

Татарин. Курят там, суки. Не боятся совсем. Я же вас, сук, сейчас стрелять начну.

Жуковец. Стрелялка не выросла.

Славик. Как ты его так не боишься, Жуковец? Он же и правда стрелить может.

Жуковец. Я такую падаль никогда не боялся. Я и в Афгане таких давил, и здесь давить буду.

Татарин. Я не из этих, придурок ты! Я свой, русский!

Жуковец. Так я про русских и говорю.

Пауза. Жуковец, Славик и Петрович курят. Степан поглаживает ружьё.

Степан. Что делать будем, Жуковец?

Жуковец. Да сожжём вместе с домом ко псам собачьим.

Татарин. Я тебе сожгу, сука!

Из битого окна бабахает выстрел. Стоящие на улице пригибаются. От забора в этот раз ничего не отлетает.

Жуковец. Он уже угол обзора свой весь покрыл. Чтобы по нам попасть, ему высунуться надо. А высунется — тут же пулю в лоб.

Татарин. Жуковец.

Жуковец. Ну.

Татарин. А ты подойди поближе.

Жуковец. А ты выйди — тогда и я подойду.

Короткая пауза. Все, кроме Степана и Татарина, курят.

Татарин. Жуковец.

Жуковец. Ну.

Татарин. Папиросу дай.

Жуковец. Выйди — дам.

Татарин. Выйду — ты меня убьёшь.

Жуковец. Слово даю, что не убью.

Петрович. Щас дом зажжём — покуришь.

Славик (*кричит*). Накуришься!

Степан (*морщась*). Да хорош ты орать!..

Жуковец. Не кричи, Славик. Зимой и так хорошо слышно.

Петрович. Снег хрустит оглушительно.

Жуковец. Теперь потише будет хрустеть, Петрович.

Все смеются, даже Татарин.

Затемнение.

Сцена седьмая

Жуковец прикуривает новую папиросу от окурка предыдущей.

Жуковец (*Славику*). Славян.

Славик. Ну.

Жуковец. Дуй в сарай Новика, поищи там канистру с солярой.

Татарин. Славик, я же тебе жопу отстрелю!

Славик (*кричит*). Себе отстрели, морда татарская!

Степан (*шипит*). Да что ж ты так вопишь, Славик?..

Славик. А чего он?..

Жуковец. Давай. Дуй.

Петрович. Не тяни кота за яйца.

Татарин. Яйца тоже отстрелю, Славик!

Славик мешкает.

Славик. А вдруг и правда — отстрелит?

Жуковец. Сейчас мы его пожарим со всех сторон, а жареный он — безобидный. Поверь моему большому опыту.

Славик. Ладно.

Петрович. Жуковец много людей пожарил, Славик. Ещё ни один после такой

процедуры не смог даже за конец собственный ухватиться, не то что винтовку в руки взять.

Степан. Иди, Славик. Поищи соляру.

Славик, не торопясь, открывает калитку, проходит во двор и скрывается за домом, где и стоит сарай.

Жуковец (Татарину). Тебе, козлина, за то, что Славика обижаешь, вообще надо бы похорошему кожу снять.

Петрович. Полосками, полосками!

Жуковец. А мы тут с тобой сюсюкаем. Степан, добрый человек...

Степан (перебивает). Я не добрый.

Жуковец (громче). Степан, добрый человек, по-человечьи с тобой говорил! Но ты же не человек, ты — пёс.

Татарин. Сам ты — пёс, Жуковец!

Жуковец. С тобой по-человечьи нельзя. Хоть я ничего против собак и не имею, но ты, Башкеев, сбесился. А бешеных псов надо валить.

Татарин. Себя завали, ветеран сраный!

Жуковец. Это ты от бессилия, Башкеев. Это ты уже устал. Вышел бы по-людски — отдыхал бы уже сейчас. А так...

Из битого окна бабахает очередной выстрел. Стоящие на улице пригибаются.

Жуковец. Слушай, Башкеев!

Татарин. Ну.

Жуковец. Тебя Карпович покусал, что ли?

Петрович. Да похоже на то.

Степан. Симптомы те же.

Татарин. Я — человек, суки вы!

Петрович. Тогда выйди и сдайся, человек!

Из битого окна бабахает очередной выстрел. Стоящие на улице пригибаются.

Татарин. А это видел, мент?

Петрович. Не видел, но слышал. Пусть и не так хорошо, как раньше.

Стоящие на улице смеются. Татарин молчит.

Степан. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Ты мне вот что скажи.

Очень короткая пауза.

Татарин. А ты ближе подойди.

Степан. Мне и тут хорошо.

Татарин. А мне — плохо!

Жуковец. Конечно, тебе плохо. Довёл себя.

Степан. Скажи, Тимур. Тебя Карпович правда не кусал?

Длинная пауза. Из-за дома появляется Славик с канистрой в руках.

Затемнение.

Сцена восьмая

Славик открывает калитку и выходит на улицу к остальным. Отдаёт канистру Жуковцу.

Татарин. Мы же говорили уже про этого Карповича, старый. Я же тебя сам спрашивал, что за он. А ты теперь интересуешься, не кусал ли меня Карпович.

Петрович. Да ну всякое бывает. Может, знал.

Степан. Да забыл.

Жуковец. Или с кем перепутал.

Татарин (*визжит*). Да не знаю я никакого Карповича! Не знаю! Первый раз слышу про него вообще!

Степан. Как же первый, когда мы уже про него говорили?

Из битого окна бабахает очередной выстрел. За ним — ещё один. Стоящие на улице пригибаются. Через небольшую паузу следуют ещё два выстрела.

Жуковец. Давай, давай! Трать боеприпасы.

Петрович. Побольше стреляй. Кончатся твои патроны — мы тебя из окна руками вынем.

Славик (*кричит*). И ногами потом забьём!

Степан (*морщится*). Да Славик!..

Снова — два выстрела. Стоящие на улице пригибаются.

Степан (*Жуковцу и остальным*). Я читал, что сейчас появилось такое новое бешенство. Почти как у собак. Ну или там у лис, ежей.

Петрович. Барсуков.

Степан. Да. Енотов.

Жуковец. Но ежели человека енот укусит, то человеку тоже кранты.

Степан. Если тот вовремя за помощью не обратится.

Петрович. Это уколы в живот надо. Меня кололи — очень неприятно.

Степан. А тут другая штука. Тут новая болезнь.

Славик (*шёпотом*). Страшно же, Степан!..

Жуковец. Не бойсь, Славик. Мы тебя в обиду не дадим.

Короткая пауза. Жуковец закуривает новую папиросу от окурка предыдущей.

Степан. Короче, это чисто человеческое бешенство.

Петрович. Кажись, про это по телевизору говорили ещё весной.

Жуковец. Не от диких животных?

Степан. Нет. Только от человека.

Славик (*шёпотом*). К другому человеку?..

Степан (*кивает*). Потому я и спросил — кусал ли Башкеева Карпович.

Петрович. А он говорит, что не знает Карповича.

Татарин. Что вы там шушукаетесь, бабёнки, а?

Жуковец (*кричит*). А я уже думал, ты там подохнуть успел, пока тут мужчины общались между собой!

Татарин. Не дождёшься!

Выстрел. Стоящие на улице пригибаются.

Жуковец. А я-то шутил про Карповича. А тут вот оно как. Выходит, что на самом деле — кусал.

Степан. Ну, может, не Карпович. Но кто-то, видимо...

Татарин (*перебивает*). Щас я выйду и тебя покусаю, старый!

Степан (*Жуковцу*). Я-то подумал, ты знаешь.

Жуковец. Не.

Короткая пауза.

Петрович. Хорошо, что не ходит никто. Зима — правильное время. Все дома сидят. Не то что лето. Летом много случайных жертв бывает.

Славик. Он баб Лиду чуть не завалил!

Жуковец. Он Петровича попортил. И Новика зачеркнул. Новик хоть и дурак мужик был, а всё ж человек.

Выстрел. Стоящие на улице пригибаются.

Жуковец. Сколько ж у него там патронов?

Татарин. Много! На тебя точно будет пара штук.

Жуковец (*встряхивая канистру*). Пора жечь заразу.

Славик. Может, всё-таки, доктора вызвать? Может, можно ещё?

Степан. Такое не лечится, Славик.

Жуковец. Такое только выжигается.

Выстрел. Стоящие на улице пригибаются.

Затемнение.

Сцена девятая

Жуковец открывает калитку, идёт к дому. Из битого окна его не достать. Но Татарин всё равно стреляет несколько раз. Стоящие на улице уже привыкли к этой его стрельбе и даже не особенно пригибаются. Жуковец останавливается возле крыльца, откручивает крышку канистры, начинает поливать крыльцо и дверь.

Жуковец. Это первым делом надо зажечь. Если легко выйти захочет, то уже ничего не получится. Из окна труднее сигать, тем более, если, как Славик говорил, нога у него ломаная.

Татарин. Ты совсем дурак, что ли, а, Жуковец?

Степан. Тимур, вышел бы ты по-нормальному. Без ружья.

Петрович. Мы б тебя доктору сдали.

Славик. Честно!

Жуковец. Он бы тебе ногу назад приделал. А так мучаешься только.

Татарин. Вы что придумали? Какому доктору? Сами сказали, что бешенство, а теперь — к доктору? Чтобы он меня усыпил ко псам собачьим?!

Степан. С человеками такого не делают, Тимур. Тебя б лечили.

Жуковец. Но если это бешенство, то... (*машет рукой, прорубая воздух*)

Петрович. Ну хотя бы месяцок в нормальных условиях. А сейчас же гореть будешь.

Славик. Зажаришься!

Петрович. Невесело.

Степан. Хотя, может, ты и не огня боишься, а, Тимур?

Короткая пауза. Жуковец останавливает поливку. Стоит, прислушиваясь.

Степан. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Может, ты воды боишься?

Пауза.

Татарин. Почему — воды?

Петрович. А это потому, дурная твоя голова необразованная, что собаки...

Степан (*перебивает*). погоди, Петрович! Пусть он сам скажет.

Славик (*кричит*). Боишься воды?!

Степан (*морщится*). Ну Славик!..

Пауза.

Татарин. Да не боюсь я воды.

Степан. Так, может, пить хочешь? У тебя там есть вода?

Татарин. У меня тут всё жидкое давно на полу и впиталось. Даже рассол.

Жуковец. А мы тебе водички принесём. Хочешь?

Петрович. У тебя со вчера сушняк дикий — правильно?

Короткая пауза.

Татарин. Правильно. Пить хочется ужасно.

Жуковец. Славик.

Славик. Ну.

Жуковец. Дуй к колонке, набери воды в ведро. А я пока даже поджигать не буду.

Славик бросается к калитке, бежит по двору Новика, забегает за дом. Слышно бряцание вёдрами, чуть после — шум набирающейся в ведро воды.

Степан. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Слышишь, Славик воду набирает. Холодненькую.

Петрович. Вкусную.

Жуковец. Самую что ни на есть живую.

Короткая пауза.

Татарин. Сначала мёртвая нужна.

Степан. Мёртвой ты порядочно употребить успел до того, как Новика закавычить.

Жуковец. Мертвее не бывает.

Очень длинная пауза. Славик набирает воду. Жуковец стоит с канистрой в одной руке и винтовкой в другой, в углу рта — потухшая папироса. Петрович пытается нащупать отсутствующее ухо. Степан тщательно протирает очки бархатной тряпочкой, вынутой из футляра, который, в свою очередь был вынут из внутреннего кармана пальто.

Татарин. Ладно. Я выйду.
Степан. Ну вот и молодец.
Петрович. Правильно!
Славик (*кричит*). Разумно!
Жуковец. Взрослый поступок.

Короткая пауза.

Татарин. Старый.
Степан. Ну.

Татарин. Только дай мне слово, что никто из вас стрелять в меня не будет, когда я на крыльцо выйду.

Степан (*помедлив*). Даю тебе слово.

Татарин. Ты замешкался! Значит, врёшь.

Степан. Нет-нет, Тимур! Что ты! Я даю тебе слово — самое честное из всех возможных: никто из нас не будет в тебя стрелять. А никого, кроме нас, тут нет. Так что никто вообще в тебя не будет стрелять.

Татарин. Тогда положите оружие на снег.

Степан кладёт ружьё на снег, так же поступает и Жуковец.

Татарин. Мент пусть тоже кладёт.

Петрович. Да у меня патронов нет.

Татарин. Клади — или я не выйду!

Степан. Положи, Петрович. Ничего страшного.

Петрович вынимает из кармана табельный пистолет и бережно кладёт на снег.

Татарин. Выхожу!

Затемнение.

Сцена десятая

Все — Степан, Петрович, Жуковец и даже Славик с двумя вёдрами в руках — собрались вокруг крыльца. Оружие валяется там же, где его и оставили, — на снегу. Некоторое время ждут.

Открывается дверь — и на пороге появляется сильно хромающий и крайне плохо выглядящий Татарин. Он весь в крови. В руках у него ружьё, направленное, правда, чуть выше голов ждущих его персонажей. Ножка стула по-прежнему привязана к ноге Татарины.

Жуковец (*протягивая руку к Славику*). Славик.

Славик. Ну.

Жуковец. Давай сюда ведро.

Славик отдаёт ведро Жуковцу. Тот берёт ведро и медленно поднимается по ступенькам крыльца к Татарину. Татарин направляет ружьё Жуковцу в живот.

Жуковец (*ставит ведро на крыльцо*). На вот. Попей.

Татарин в ужасе смотрит на ведро. В этот момент **Жуковец** резко отбивает ствол ружья в сторону — ружьё выпадает на крыльцо — и бьёт **Татарина** головой в живот. **Татарин**, переломившись пополам, раскрывает рот, накрывает им плечо Жуковца и со всей дури кусает. **Жуковец** вопит.

Петрович бросается к выпавшему ружью, хватая его за ствол, разворачивает стволом в сторону **Татарина** и жмёт на курок. Раздаётся выстрел. **Татарин**, сбитый с ног выстрелом, улетает в дом, успев по пути схватиться за ручку двери и с грохотом захлопнуть дверь. **Славик** роняет второе ведро и бежит к сараю **Новика**, обхватив руками голову. Наткнувшись на стену сарая, **Славик** валится в снег и лежит, не двигаясь. **Жуковец** всё это время продолжает вопить.

Петрович пытается открыть дверь одной рукой, в другой держа ружьё, но ничего не выходит. **Степан** отходит подальше, поднимает ружьё **Жуковца**, целится в дверь. **Петрович** тоже целится в дверь, а именно — в дверную ручку, нажимает на курок, но ничего, кроме сухого щелчка, ружьё не выдаёт. **Жуковец** продолжает вопить. Слегка опомнившись, он на пару секунд замолкает, прыгает с крыльца рыбкой в снег и продолжает вопить дальше, теперь уже катаясь по снегу. Постепенно вопль его приобретает осмысленные очертания.

Жуковец. Сука! Сука! Сука! Он меня укусил! Он меня укусил!

Петрович (**Степану**). Надо ломать дверь! По крайней мере, ружья у него больше нет.

Степан. Ты не можешь знать, есть ли у него второе ружьё — или нет. Вполне может быть.

Жуковец. Сука! Сука!

Степан. Я думаю, он точно сбесился.

Петрович. Будем жечь?

Степан. Будем.

Жуковец. Сука! Он меня укусил!

Степан и **Петрович** оттаскивают **Жуковца** подальше. **Петрович** вынимает из кармана зажигалку, чиркает ею и поджигает облитое солярой крыльцо. Глуховато бухнув, по крыльцу, двери и стене вокруг двери разбегается сизоватое пламя.

Жуковец. Мужики! Он меня укусил!

Петрович. Видели, Жуковец.

Жуковец. Степан, застрели меня ко псам!

Степан. Зачем? Сейчас Петрович скорую вызовет.

Жуковец. Не хочу в больничке помирать! Теперь я его, суку, понимаю!

Татарин. Сам ты сука!

Петрович и **Степан** переглядываются.

Степан. Живой.

Петрович. Живой, гад!

Татарин. Сам ты гад! Морда ментовская! Я из-за тебя, ментяра, кишки свои сижу рассматриваю!

Петрович. Ну и как? Интересно?

Татарин. Очень! Красненькие такие!

Жуковец. Мужики! Застрелите быстрее меня!

Степан. Погоди. Сначала этого надо.

Степан подходит к пылающему крыльцу. Стоит пару секунд и отходит.

Петрович. Пусть сам сгорит, Стёп.

Степан. Вообще ты прав. Разве что он через окошко может сбежать, пока мы тут возимся.

Степан и Петрович, переглянувшись и бросив на снегу вопящего Жуковца, бегут к калитке.

Затемнение.

Сцена одиннадцатая

Татарин, кое-как выдавив крестовину битого окна наружу, вываливается вслед за ней, ползёт по снегу к просвету в заборе, переваливается через поперечную перекладину. Видит ружьё Степана, ползёт к нему. В этот момент Степан и Петрович открывают калитку и, мешая друг другу, выпадают на улицу. Лежат, вытянув руки вперёд и смотрят на Татарина.

Татарин хватает ружьё Степана. Кишки Татарина кровавым кружесом болтаются у него между ног.

На заднем плане всё это время вопит Жуковец.

Татарин. Как же не хорошо врать, а, старый?

Степан. Так не я ж тебе врал.

Татарин. Ты за всех отвечал. Значит, ты и врал. Раз так получилось.

Степан. Ты передёргиваешь.

Татарин. Щас я так передёрну, что у тебя голова домой сама покатится.

Степан. Тимур.

Татарин. Ну.

Степан. Ну чего ты, в самом деле.

Татарин смотрит на Степана, потом начинает смеяться. Кишки от смеха выпадают из живота на снег и висят длинной неаппетитной колбасой.

Петрович (*поднимаясь*). Ну всё. Хватит. Мне надоело. Я домой хочу.

Татарин (*направляя на него ружьё*). Так иди. Чего стал?

Петрович. Сначала тебя уделаю.

Татарин. Чем? Ручками?

Петрович. Застрелю.

Татарин. Из пальца стрелять будешь? Ружьишко-то у меня!

Петрович идёт к Татарину.

Петрович. Сначала отберу, а после — застрелю.

Татарин. Ну отбери.

В проёме калитки появляется Славик. Лоб его окровавлен.

Славик (*кричит*). Прекрати! Прекрати!..

Степан (*морщится*). Славик!..

Татарин направляет ружьё в сторону *Славика* и нажимает на курок. *Славик*, отброшенный выстрелом, улетает в проём калитки.

Петрович бросается на *Татарина*, но *Татарин* успевает выстрелить и в него. *Петрович* улетает в снег, раскинув руки.

Степан. Всё. Больше нету.

Татарин. Чего нету-то?

Степан. Патронов больше нет.

Татарин. Это я да, не подумал. Надо было в карманы напихать, прежде чем...

Степан, не дав ему договорить, с нестариковской прытью вскакивает на ноги, бросается на *Татарина*, подминает под себя. Тот отчаянно сучит здоровой ногой и бьёт руками. *Степан* хватается свисающую на снег кишку, обматывает её вокруг шеи *Татарина* и начинает того душить.

Из калитки в это время выползает совершенно обезумевший *Жуковец*.

Жуковец. Сука! Ах ты, сука! Кончилась жизнь теперь! Кончилась!

Степан. Жуковец.

Жуковец. Кончилась жизнь! Сука ты, сука! Конченный я человек!

Степан. Жуковец.

Жуковец (на миг очнувшись). Ну.

Степан. Закрой рот, а?

Жуковец, уже молча, отползает к лежащему на снегу пистолету *Петровича*. Берёт пистолет, приставляет к собственному виску, жмёт на курок. Пистолет сухо щёлкает. *Жуковец* отбрасывает пистолет и ползёт прочь, завывая.

Степан (продолжая душить *Татарина* его же кишкой). Славика-то за что? Славика! Что тебе Славик сделал? Ладно мента завалил, но Славика? Он же тебе воды принёс! А ты ему так «спасибо» сказал, да? Гад ты печеный.

Татарин в ответ только хрипит, а после и вовсе затихает, перестав биться.

Степан. Вот и ладушки.

Петрович со стоном садится в снег, вынимает из кармана абсолютно кровавый носовой платок, прижимает к лицу. Шумно сморкается.

На заднем плане всю пылает дом *Новика*.

Затемнение.

Сцена двенадцатая, последняя

В просторной комнате деревенского дома за столом сидит *Степан*. Напротив него — *Петрович*, весь в бинтах вплоть до головы. Чуть поодаль от *Степана* и *Петровича* в смиренной рубашке и с собачьим намордником на лице сидит на полу *Жуковец*. Сквозь намордник сочится пена.

Перед столом на двух табуретках стоит гроб, в гробу лежит *Славик*. На лбу у него — чёрная лента с буквами, в сложенных на груди руках — свечка, но, правда, не зажжённая. В

головах у *Славика* сидит на стуле *Баба Лида*.

Петрович. Славик-то какой красивый.

Степан. Он всегда красивый был. Был и остался.

Петрович. Да. Хороший Славик.

Степан. Кричал только много. А мне, знаешь, крик...

Петрович. Твоя Людмила любила покричать, да. Скучаешь?

Степан. По Славiku?

Петрович. По Людмиле.

Короткая пауза.

Степан. Ну, только если немножко. По Славiku больше скучаю.

Петрович. Славик — да.

Степан. Ещё б не пил, то вообще б цены парню не было б.

Петрович. Так он, вроде как, и бросил.

Степан. Ну... три недели. Не считается.

Петрович. Ещё как считается. Тебе, непьющему, не понять.

Некоторое время молчат.

Баба Лида. Ты чего придумал-то, Славк? Хорош валяться, домой пошли. Я тебе картошки сварю. Лучок зажарю со шкварками. Как ты любишь.

Петрович. Мало того, что глухая и слепая, так ещё и головой подвинулась.

Степан. Ничего ты не понимаешь, Петрович. Баб Лида так скорбит.

Баба Лида. Телевизор посмотришь. Я-то не слышу и не вижу почти уже. А ты посмотришь.

Петрович. А я, наверное, скорбеть не умею, Степан.

Степан. Умеешь, Петрович.

Петрович. Да хрен его знает, Стёп.

Степан. Все умеют. Только каждый по-своему. Ты тоже.

Жуковец. Даже я скорблю.

Степан. Даже вон Жуковец скорбит, хоть и бешеный.

Баба Лида. А то могу и курочку зарезать, суп сварим. А ты за белым сходишь. Так вкусно куриный супчик с белым хлебом!.. Мы с тобой, бывало, весь до крошки съедали — намакаемся и сидим смеёмся.

Жуковец. Зря вы меня не пристрелили, мужики. Сейчас бы по мне кто-нибудь тоже скорбел. А так...

Петрович. А так мы по тебе через неделю скорбеть будем, не переживай.

Степан. Доктор говорит, мало тебе осталось. Скоро отмучаешься.

Баба Лида. Ещё б не пил — цены б тебе не было б. А так напьёшься, так мы с тобой и поссоримся. И не разговариваем неделю, а то и месяц! Вот этот месяц и не разговаривали.

Пауза. Баба Лида гладит Славика по волосам. Жуковец забился в угол и лежит, пуская пену сквозь намордник.

Петрович. Степан.

Степан. Ну.

Петрович. Вот скажи мне, как умный человек.

Степан. Я не умный.

Петрович. Но тем не менее — скажи.

Степан. Попытаюсь.

Петрович. Люди.

Степан. Ну — люди.

Петрович. Вот они *когда* кончаются? Сам же понимаешь, что не со смертью, а гораздо раньше.

Степан. Видимо, так.

Петрович. Вот я знаю про себя, что уже всё — кончился. И даже момент сказать могу.

Степан. Скажи.

Петрович. Десять лет назад.

Петрович считает на пальцах, шевеля губами. Потом сам себе кивает.

Петрович. Да, точно. Так вот. У меня ещё выходной был впереди. Ноябрь, темно на улице, мокро, страшно. А я проснулся. Пошёл на кухню, на часы глянул — четыре утра. Я вот так сел у окошка и сидел, смотрел — как там дождь идёт. Сажу и понимаю, что моя жизнь теперь — это вот эти вот четыре утра в ноябре. И больше ничего не будет. Ни жены, ни детей, ни даже солнца летом.

Степан. А я вместе с Людмилой кончился. Она ушла — и мне конец пришёл. Грех, конечно, признаваться, но поначалу казалось, что наконец облегчение. Что воздуху больше станет, что тише будет. Ну оно как бы так и получилось. Но уже без меня. Людмила в земле в могиле, а я тут — в воздухе. Сам себе надгробие.

Жуковец. А я ещё после Афгана кончился. Когда один из всех своих ребят остался. Да, ненавидел их, некоторым даже в спину стрелял, но без них и я закончился. Ушла моя ненависть, перестал я быть непредсказуемым и опасным — одна пародия осталась. Смешно сказать — людей любить начал.

Короткая пауза.

Баба Лида. Славик-Славик.

Баба Лида целует Славика в лоб. Внезапно включается хриплое жёлтое радио на стене.

Голос Диктора. Ну.

Радио выключается. Все молчат.

Затемнение.

Минск, октябрь 2017